

УДК 911.3

DOI 10.52575/2712-7443-2025-49-1-184-200

Географическая наука в зеркале феноменологии: междисциплинарные импульсы как угроза идентичности

Гладкий Ю.Н., Сухоруков В.Д.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. Мойки, 48
Gladky43@rambler.ru

Аннотация. Внимание фокусируется на соотношении географической науки и феноменологического подхода, фундаментальные и эпистемологические недостатки которого, по мнению многих авторов, не позволяют воспринимать его в качестве полноценного научного подхода. Цель данного исследования состоит в обосновании и конкретизации причин растущей критики феноменологического подхода в географии, сужающего и без того слабо используемые возможности прикладной географической науки в объяснении причин и последствий опасного нарушения круговорота веществ и энергии в природе, а также в смягчении таких острых проблем, как засухи, наводнения, обезлесение, опустынивание, загрязнение сред и др. Отмечается всплеск исследований гуманистической географии на Западе, прежде всего, за счет активного включения в них человеческого сознания и когнитивных способностей индивидуумов. Аргументируется позиция, согласно которой растущий интерес к интуитивному и интерпретирующему методу распознавания и понимания явлений отличается тем, что многие его импульсы возникают за пределами географии. Делается вывод, что трактовку многими представителями гуманистической географии «феноменологии места» следует относить к теоретическому арсеналу скорее философии и психологии, чем географии, и что практика восприятия места через чувственный опыт и веру умалает ценность географии, как фундаментальной науки о ключевых сферах земного пространства. Главный вывод состоит в том, что, если географическая наука под напором «феноменологизма» будет и далее уступать свои позиции ортодоксальной «гуссерлианской географии» и ее новым вариантам, базирующимся на ненаблюдаемых, ненаучно проверяемых субъективным опытом фактах, ей станет труднее претендовать на статус научно-географического знания и прикладной науки.

Ключевые слова: гуманистическая география, феноменология, Гуссерль, мифологическое сознание, география места, иррациональное мышление, идентичность

Для цитирования: Гладкий Ю.Н., Сухоруков В.Д. 2025. Географическая наука в зеркале феноменологии: междисциплинарные импульсы как угроза идентичности. Региональные геосистемы, 49(1): 184–200. DOI: 10.52575/2712-7443-2025-49-1-184-200

Geographical Science in the Mirror of Phenomenology: Interdisciplinary Impulses as a Threat to Identity

Yuri N. Gladkiy, Vyacheslav D. Sukhorukov

Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Embankment, Saint Petersburg 191186, Russia
Gladky43@rambler.ru

Abstract. Attention is focused on the relationship between geographical science and the phenomenological approach. According to many authors, the fundamental and epistemological

shortcomings of the latter do not allow it to be perceived as a full-fledged scientific approach. The purpose of this study is to substantiate and specify the reasons for its growing criticism in geography, which narrows the already poorly used possibilities of applied geographical science in explaining the causes and consequences of dangerous disturbances in the circulation of substances and energy in nature, as well as in mitigating such acute problems as droughts, floods, deforestation, desertification, environmental pollution, etc. There has been a surge in research on humanistic geography in the West, primarily due to the active inclusion of human consciousness and the cognitive abilities of individuals. The authors argue that the growing interest in intuitive and interpretive methods of recognizing and understanding phenomena is characterized by the fact that many of its impulses arise outside geography. It is concluded that the interpretation of the "phenomenology of place" by many representatives of humanistic geography should be attributed to the theoretical arsenal of philosophy and psychology rather than geography, and that the practice of perceiving a place through sensory experience and faith detracts from the value of geography as a fundamental science of key areas of the Earth's space. The main conclusion is that if geographical science, under the pressure of "phenomenologism", continues to give way to orthodox "Husserlian geography" and its new variants based on unobservable facts unscientifically verified by subjective experience, it will face more difficulties in claiming the status of scientific geographical knowledge and applied science.

Keywords: humanistic geography, phenomenology, Husserl, mythological consciousness, geography of place, irrational thinking, identity

For citation: Gladkiy Yu.N., Sukhorukov V.D. 2025. Geographical Science in the Mirror of Phenomenology: Interdisciplinary Impulses as a Threat to Identity. *Regional Geosystems*, 49(1): 184–200 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7443-2025-49-1-184-200

Введение

Участившееся обращение к феноменологическому способу анализа «очеловеченной» действительности редко вызывает у профессионального сообщества географов чувство отторжения. Несмотря на вменяемые этому методу недостатки (субъективизм, приоритет философской антропологии, оторванность от реальной жизни, разрыв с методологией естественных наук, схоластичность, ограниченность области применения и т. д.), трудно абстрагироваться от того факта, что феноменология, по сути дела, стала одним из наиболее влиятельных направлений философии XX столетия. Однако более глубокого внимания заслуживает вопрос *о мере использования подобного способа анализа в современной географической науке* и предметной сущности самой «географической феноменологии», чему посвящена настоящая статья.

Отличительная черта феноменологического метода мышления, предложенная его главным «промоутером», «гуру» целой эпохи Э. Гуссерлем (1859–1938) в работе «Логические исследования» [2011] хорошо известна – это противопоставление сциентизму в философии, ориентация на субъективизм, на данные непосредственного созерцания и «стабильные очевидности». Имеется в виду, что все явления и процессы (феномены) в окружающем мире, ассоциирующиеся с собственными представлениями о них, каждым индивидуумом воспринимаются субъективно. И лишь в результате этого конструируется собственное видение мира, естественно, при условии использования «правильных» феноменов, важнейшим свойством которых является очевидность.

Считается, что почву для возникновения феноменологии подготовили как критика позитивизма (с его почти религиозной верой в науку), так и растущее недоверие к распространявшимся идеалистическим спекуляциям, навязывавшим запрограммированное видение мира. Особое внимание стало уделяться *сознанию и психическому опыту*. При этом сферами «локации» феноменов (сущностей), по мнению Гуссерля, являются природа, общество, мораль, религия, а их познанию должен предшествовать анализ сущностей, отражающих природные, общественные, моральные и религиозные феномены.

Философия феноменологии, всплеск интереса к которой наблюдался во второй половине XX века, внесла ощутимый вклад в формирование интеллектуальных позиций многих западных ученых, в том числе в связи с так называемым «*spatial turn*» («*пространственным поворотом*») в социальных науках. В той или иной мере, феноменологическим «духом» пропитаны не только гуманистическая география места и идентичности (И-Фу Туана, Э. Рельфа и др.), но и общая концепция социального пространства П. Бурдьё, теория производства пространства А. Лефевра, труды теоретиков «пространства мест» (М. Кастельса, Р. Флориды, Й. Тернборна, А. Асман и др.), концепции «мест памяти» П. Нора и антропологии «неместа» М. Оже и т. д.

Естественно, что эта «фенологическая интервенция» (включая экзистенциализм и герменевтические методы) оказала влияние на традиционные области географической науки, особенно на *географию человека*. Речь идет, в частности, о социальной географии, экономической географии, георбанистике, городском дизайне и планировании, сельском планировании, политической и культурной географии и некоторых других областях, на развитии которых отразилось влияние философии и методологии феноменологии [Phenomenology. 2013].

Авторы статьи сознательно упрощают толкование феноменологии, и не только с учетом того, что даже один из самых выдающихся философов XX в. М. Хайдеггер в своем эссе «Мой путь в феноменологию» [Heidegger, 1969] признавался, что далеко не сразу смог уяснить суть феноменологического метода. (Признание ученого можно понять, учитывая сложнейшую систему терминологии, хотя и репрезентирующей изящный и «элегантный» стиль). Важно другое: современная феноменология стала опираться на несравненно более обширный круг идей, чем их сформулировали в свое время Гуссерль и его ученики, и уже нередко квалифицируется как *феноменологическое движение*, представленное не только исследователями интенциональности сознания (Э. Гуссерль), но и психических феноменов (Ф. Brentano и др.), бытия (М. Хайдеггер), восприятия и телесности (М. Мерло-Понти), человеческой реальности (Ж.-П. Сартр) и других феноменов человеческого мира. Уже по этой же причине авторы-географы отвергают идею «рядиться в одежды» высокомерных специалистов в многочисленных (подчас спорных) версиях феноменологии (не только Э. Гуссерля, но также и М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти [Мерло-Понти, 1999], Ж.-П. Сартра [Sartre, 1936], Ж.-Л. Мариона, М. Ришира [по: Чернавин, 2013] и др., соединивших в себе во многом черты постгуссерлевской феноменологии и немецкого идеализма), и тем более не пытаются давать оценки применения феноменологической практики в психологии и психиатрии.

Встречающиеся уничижительные вердикты об основателе феноменологии Э. Гуссерле, как «последнем динозавре классической философии», «трансцендентальный идеализм» которого «заложил традицию умерщвления человека, растянувшуюся на весь XX век» [Нилогов, 2007] – это скорее субъективная, эмоциональная реакция софистски настроенных оппонентов как способ удовлетворения тщеславия. Будучи противниками современного логического позитивизма и отстаивая право творца (*индивидуума, не общества!*) на неповторимость, а человека – на восприятие и интерпретацию искусства, идеологи феноменализма, все-таки не игнорируют общественно значимые аспекты искусства – его этическую, моральную сторону, его гуманистическую направленность и т. д.

Следует отметить, что в России существует забытая предыстория распространения феноменологических идей, практически не имевших отношения к географии. Она связана с рецепцией идей того же Гуссерля, носителями которых в начале прошлого века выступали Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Г.Г. Шпет, Б.В. Яковенко, А.Ф. Лосев, и затем была прервана по политическим причинам в начале 1920-х гг. С 1960-х гг. вновь появляются аналитические работы по феноменологии К.С. Бакрадзе, П.П. Гайдено, З.М. Какабадзе, Н.В. Мотрошилова и др., а также переводы феноменологических текстов. Ряд «покрови-

тельстванных» работ феноменологическому методу в географии принадлежит в последние десятилетия Д.Н. Замятину [Замятин, 2003, 2004а, б].

Первый же Центр феноменологической философии, основанный на философском факультете Российского государственного гуманитарного университета в 1998 году, во многом ассоциировался с идеями И-Фу Туана. С разной степенью успешности фенологические подходы стали пропагандироваться также на страницах журнал «Логос» (Москва, с 1991 года), «Ежегодника по феноменологической философии» (Москва, с 2008 года), журнала «Horizon. Феноменологические исследования» (Санкт-Петербург, с 2012 года) и т. п. Но в данной статье речь идет о месте феноменологического подхода в развитии конкретно географической науки.

Методология исследования

Несмотря на обилие известных нам работ, особенно зарубежных, которые условно можно отнести к «феноменологической географии» (Йи-Фу Туан, Э. Релф, Э. Банксе, Э. Баттимер, Дж. Дункан, Дж. Энтрикин, Д. Лей, Д. Левенталь, Д. Покок, Дж. Дуглас Портеус, Г. Роулз, Р. Д. Сак, М. Сэмюэлс, Д. Симон, С. Смит, Дж. Вестерн, У. Уайкоф и др.), трудно идентифицировать хотя бы одну из них (даже с учетом ссылок) в качестве инструктивного пособия, в котором систематизированно излагались бы методологические пути имплементации идей философской феноменологии в географию и обоснована идентичность самой «феноменологической географии».

В качестве наиболее «консенсусных» объектов феноменологии как философского учения предстают основные феномены человеческого мира: сознание и рефлексия, познание и суждение, любовь и ненависть, воля и желание, совесть и страх и др. Они же суть психические феномены, одновременно являющиеся исходными понятиями основных феноменологических учений. Предметом исследования в данном случае выступают «каналы» влияния феноменологического метода на традиционную географическую науку, на ее способность оставаться праксиологической сферой научного знания.

Анализ феноменологического подхода в географии трудно представить без опоры на уже наработанные методические средства – генезис идей, логику вывода, трансформацию смысла, терминологический аппарат. Поскольку феноменологический метод, по общему признанию, дескриптивный, ориентирующий на отстранение от причинных и функциональных связей между сознанием и предметным миром, его продолжающаяся «экспансия» в географию грозит снижением ее *научного статуса и прикладных функций*.

О «феноменологической интервенции» в географии

Активная рецепция западными географами феноменологических идей, породившая в конце XX века «феноменологическую экспансию» в гуманитарные науки, по своему резонансу сравнима с проникновением в географию идей *поведенческой* (бихевиористской) *психологии*. В этих двух событиях нетрудно угадать некие общие параллели, ассоциирующиеся, в частности, с фокусированием внимания на формализованном исследовании субъективного осмысления человеком пространства, а также с концепциями и эмпирическими результатами междисциплинарного изучения человеческого разума и деятельности в пространстве. Особенностью обоих направлений является их междисциплинарный характер, который, в ряде случаев, неоправданно «теснит» позиции географии, отдаляя ее от наук о Земле и лишая ее «законной» роли в пользу психологии, философии и социологии.

Конечно, стремление представителей других областей знания творчески проявить себя в междисциплинарном зазоре не только не «напрягает», а, напротив, воодушевляет географов-теоретиков – ведь все грани в науке (равно как в природе и обществе) тонки и «прозрачны». Однако далеко не все творческие порывы в этом отношении можно воспринимать безоговорочно, особенно, когда типичная область философии или психология

личности, исследующая все многообразие проявлений психического функционирования личности и развития человека (в т. ч. мотивацию, эмоции, память, волю, способности) интерпретируется как географическая дисциплина.

Во-первых, «пространственные» рассуждения феноменологов очень часто фокусируются на ограниченное топографическое место, локацию («локус», то есть, «здесь и сейчас»). Во-вторых, главным феноменом у них остается не местный ландшафт, не геосреда, а человек как целое (*Homo sapiens*), являющийся общепризнанным объектом *психологии личности* или *философии личности* (т. е. проекцией истинного «я» в окружающее пространство). Игнорируется тот факт, что системный подход в географии (в отличие от философии, психологии или медицины) не ограничивается индивидуумом, приписанным к конкретному месту «уединенного размышления».

Не случайно, среди основных понятий феноменологии фигурируют вовсе несвойственные классической географической науке термины: *рефлексия* (акт переживания, с помощью которого человек постигает предметы, явления, формирует мысли и ценности), *интенциональность* (перманентная направленность сознания на феномен), *нóэма* (мысленный феномен, который является проекцией объекта в сознании человека), *нóэзис* (процесс постижения феномена), *эпoxé* (наложение запрета на объективную позицию, т. е. изучение мира, представленного исключительно в сознании человека) и пр.

Тем не менее, еще раз выразим уважительное отношение как к поведенческой географии, так и феноменологическому подходу (не «феноменологической географии», где кавычки обязаны распространенному метафорическому выражению, поскольку речь идет о методе, а не научной дисциплине). Они обогатили традиционную *объект-субъектную точку зрения* на взаимоотношения человека и среды его окружения [Голд, 1990; Montello, 2018]. В этой связи можно присоединиться к позиции автора вводной статьи к знаковой книге Дж. Голда «Основы поведенческой географии»: «Предлагаемый вниманию читателя текст – это как бы «кликбез» и по социологии, и по общей и социальной психологии, и по истории науки, и по социальной психологии, и по психологии экологической, и по эстетике, и по семиотике, и по физиологии» [Голд, 1990].

Несмотря на появившуюся со стороны радикальных представителей общественной географии резкую критику поведенческой географии за формализованное изучение субъективного осмысления человеком пространства и дезагрегированный подход к человеческому поведению, курс поведенческой географии давно появился в ряде университетов мира (в том числе в РФ), широко используются методы агентного моделирования и теории игр для системного анализа стратегий поведения и т. д. Но при этом традиционно игнорируется «затушеванный» вопрос о дисциплинарной принадлежности многих когнитивно-пространственных процессов в этой отрасли знания, где, по нашему убеждению, наблюдается некорректная «делимитация» предметного поля географии.

Еще более осязаемую роль в проявившихся процессах «эрозии идентичности» географической науки в 60–80 гг. прошлого столетия сыграл всплеск интереса к феноменологической методологии, которая уже к моменту смерти Э. Гуссерля (1938 год) получила признание не только в философии, но и в антропологии, социологии, психологии и т. д. До поры до времени география оставалась как бы в стороне, в то время как в упомянутых науках она стала общепринятым подходом. Ситуация заметно изменилась в связи с попытками И-Фу Туана тесного соединения философии и психологии с географией, и популяризации идей о важности мест для человека, а также публикацией в 1974 году известной феноменологической работы «Топофилия». В ней детальным образом анализируются вопросы связи человека и места, восприятия мест людьми, любви человека к месту, и, как считается, ценностных характеристик ландшафта [Tuan, 1975].

Позже в статье «Пространство и место: перспектива опыта» [Tuan, 1977] он предложил авторские определения фундаментальных географических понятий: пространства и

места. Однако эти определения, отражающие физиологические переживания восприятия пространства, изложенные в предыдущем своем труде, и более утонченные формы его восприятия, обогатили, прежде всего, *психологию, философию и социологию*. Еще во время работы над «Топофилией» Туан пришел к выводу, что люди постигают места не только через чувственный опыт, но и через веру. Последняя идея легла в основу его следующих книг «Ландшафты веры» [Tuан, 1979] и «Сегментированные миры и самость: групповая жизнь и индивидуальное сознание» [Tuан, 1982].

Обратимся к смыслу и дисциплинарной сущности введенного И-Фу Туаном термина «*топофилия*», трактуемого как приязнь к соответствующему месту, обусловленная его уютностью, душевной теплотой, эстетизацией. В одноименной работе рассматриваются индивидуальные «нюансы» восприятия места: физиологические характеристики индивидуума, темперамент, пол, возраст, которые в дальнейшем углублены исследованиями его последователей в области гендерной и возрастной психологии. Нельзя не восторгаться блистательным обзором оттенков восприятия места, формирования чувства приязни и любви к нему, а также глубоким авторским анализом особенностей конкретных органов чувств – обоняния и слуха, в наибольшей степени способствующих восприятию. Кстати, по Туану, одним из вариантов топофилии является и патриотизм – как любовь к пенатам, но без «примеси» всякой идеологии.

Вместе с тем, непредубежденному географу-профессионалу понятно, что в подобных работах речь идет о *психологии* восприятия места [Seamon, 2000; 2018; 2023], которая в географии, безусловно, может служить полезным инструментом анализа, а также в краеведении или этногеографии, но вряд ли обладает убедительными основаниями считаться каркасной единицей географического мейнстрима и претендовать на резкую коррекцию сформировавшейся парадигмы классической географии. (Кстати, на это часто претендуют авторы, подчас не имеющие даже географического образования и ассоциирующие серьезную науку с «восприятием конкретного места»).

Другой популярный неологизм, своего рода бинарная оппозиция к топофилии – *топофобия*. Как подмечают авторитетные исследователи творчества И-Фу Туана (в частности, россиянка О.А. Лавренова, состоявшая в переписке с ученым), в своих работах этот термин он нигде не использовал, но в многочисленных исследованиях, отражающих чувства людей по отношению к месту, отсылку делают именно на выше упомянутую книгу «Топофилия». В нашем контексте уместно подчеркнуть тот факт, что термин топофобия широко используется в *психиатрии*, как беспричинная боязнь конкретного места. Отмечая, что И-Фу Туан, исследуя разные варианты детских страхов, «связанных больше с людьми, чем с местом», Лавренова справедливо делает вывод, что «эти исследования оказались больше историческими, чем культурно-географическими» [Лавренова, 2023]. А психологическими разве нет?

Представителю академической географической науки нужно обладать невиданным воображением, чтобы названия нижеследующих сюжетов из книги «Landscapes of Fear» не только занести в содержательный арсенал географии, но и расценить как весомый вклад в развитие теории именно географической науки: «*Страх у растущего ребенка*», «*Страх в средневековом мире*», «*Страх болезней*», «*Страх перед природой человека: ведьмы*», «*Страх перед природой человека: призраки*», «*Насилие и страх в сельской местности*», «*Страх в городе*», «*Публичное унижение и казнь*», «*Изгнание и заключение в тюрьму*» [Tuан, 1979].

Кстати, используемое в статье метафорическое выражение «феноменологическая интервенция» в географии в большой степени связано с именем уроженца Вены, основателем *феноменологической социологии* А. Шюца, который безуспешно пытался соотнести мысли Гуссерля с социальным миром и социальными науками [Shutz, 1964]. Задавшись целью разработать «феноменологическую психологию внутреннего опыта», он фо-

кусировал внимание на инвариантных чертах жизненного мира, к которым рефлексивно потянулись многочисленные теоретики: социологи, экономисты, психологи, историки, и с некоторым запозданием – географы. Последние годы жизни А. Шюц посвятил подготовке всеобъемлющей феноменологии естественного отношения, идеи которой отражены, в частности, в совместной работе с Т. Лакманом «Структуры жизненного мира» [Shutz, Luskmann, 1973]. Нет ни возможности, ни необходимости приводить ее структуру, но которая опять-таки апеллирует к философским основам социологии, психологии и экономики Макса Вебера (с которым Шюц был знаком лично), но не наук о Земле.

Сторонники феноменологического подхода в географии, полагают, что его использование ведет к самосознанию и обостренному чувству ответственности за окружающую среду, помогает людям более полно оценить свой мир и свою жизнь. Очень даже возможно. Но разве эта мотивация противоречит аналогичным функциям некоторых других отраслей научного знания? И неужели ее достаточно для идентификации нового научного направления в географической науке?

Отмечая недостатки феноменологического подхода, не позволяющие воспринимать его в качестве полноценного научного метода в географической науке, авторы все же исходят из того, что широко распространенный вердикт о «полной несовместимости» феноменализма и науки носит излишне радикальный характер. Во-первых, позднеклассическая рациональность включает в себя *иррациональное*, т. е. несоизмеримое с рациональным мышлением или даже противоречащее ему (можно сказать – феноменологическое). Известно, что поиску истины нередко предшествует интуиция – период подсознательной деятельности, время которой вызревает новая идея. В этой связи можно также упомянуть о *патернализме* в географической науке, явлении иррациональном, питающемся харизмой, данной от природы исключительностью ученого. Во-вторых, история многих стран накопила богатую *мифологию*, которая иногда ассоциируется с «феноменологическим окном», через которое можно «заглянуть в головы» тех, кто их создал [Лосев, 2021]. Мифы и мифология народов – это значимая ступень в их развитии, учитываемая этнологами, историками, социологами.

Отраженные в мифах пространственно-временные представления особенно важны для *исторической географии*, призванной отделить реальное от мнимого, с учетом неоднозначного мнения Р. Декарта – одного из «отцов» философии Нового времени, о том, что история, неизбежно прибегая к вымыслу, занимает в человеческой культуре место более близкое к вымыслу, нежели к науке [Декарт, 1989]. Подобное мнение для историков, разумеется, неприемлемо, но далеко ведь не каждый из них подвержен отмеченному «греху» своей науки! Историческое познание в той или иной мере, иногда, действительно, деформирует («феноменологизирует») прошлое, и в этом случае не всегда может претендовать на научную объективность (из-за неverifiedируемости наших убеждений о явлениях прошлого). Однако праксеологическая ценность исторических событий для географии неоспорима.

Гуманистическая география как дискуссионный фронт социальной географии

Процесс зарождения и формирования своеобразных «анклавов» междисциплинарного знания вдоль фронтов географической науки (на стыке с геологией, экологией, экономикой, социологией, философией и т. д.), представляется вполне естественным, тем самым подтверждая аксиоматический факт об условности границ в науке. Это обстоятельство породило своеобразную «трансграничную методологию», основу которой составляют как общенаучные подходы и методы исследования, так и частнонаучные методы (способы, процедуры, принципы познания) [Gladkiy et al., 2019; Sukhorukov, Gladkiy, 2019], используемые авторами, работающими в междисциплинарном «зазоре».

Эта мысль важна для оценки роли так называемой «гуманистической географии», органический «симбиоз» которой с феноменологическим методом «удостоверяется» тем, что ее философской основой признается именно феноменология. Иногда понятия «гуманистическая» и так называемая «феноменологическая» география вообще отождествляются, хотя некоторые авторы соотносят первую также с экзистенциализмом и некоторыми другими философскими течениями [Ley, Samuels, 1978]. В любом случае, диверсифицированную гуманистическую географию вряд ли корректно приравнивать к одной из форм «феноменологической географии», равно как и феноменология далеко не всегда может прямо ассоциироваться с гуманизмом. В данном случае важно то, что феноменологический метод стал ключевым объединяющим фактором в развитии всех течений гуманистической географии, относящейся нами к дискуссионному фронтиру социальной географии.

В качестве официальной концептуализации гуманистическая география была «обнародована» после публикации И-Фу Туаном работы «Топофилия», в которой он обозначил свой подход как *географическое изучение места и человеческого опыта*. По мнению многих авторов, такой подход в философском плане, если и не копировал феноменологию Гуссерля, противостоявшую сциентизму, то тесно ассоциировался с ней. В книге детальным образом освещались вопросы связи индивидуума и места, восприятия человеком места, а также ценностных характеристик ландшафта. (Последний аспект формально вписывался в проблематику классической географии, но был отмечен очень «специфической» трактовкой). Кульминацией гуманистических исследований стала публикация (1978) знакового труда «Гуманистическая география: перспективы и проблемы» под редакцией Д. Лея и М. Самюэlsa [Ley, Samuels, 1978].

Но если согласиться с тем, что особенность гуманистической географии кроется в специфике ее метода, то справедливо отметить более раннюю («накопительную») роль французской школы В. де Блаша, представители которой, следуя антропоцентризму, традиционно ставят Человека в центр исследований. Можно упомянуть также другого знакового географа уже немецкой школы антропогеографии – А. Геттнера, который отмечал правомерность существования версии географии подобной «гуманистической» [Геттнер, 2025]. Он полагал, что «наряду с теоретической географией, существует эстетическая география; наряду с географией-наукой, существует география-искусство» (там же, с. 139). В специальной литературе интерес к гуманистическим подходам, темам и методам географического характера можно обнаружить также у А. Гумбольдта (к пейзажной живописи, которая в состоянии повысить осведомленность человека о природных регионах планеты); финского географа, исследователя Сибири и Монголии Й. Гранё (к исследованию сенсорных и перцептивных аспектов природных и созданных человеком ландшафтов) [Granö, 1979]; В.П. Семенова-Тян-Шанского (к антропоцентрической сущности географической науки [Семенов-Тян-Шанский, 1928, с. 35 и 260]); французского историка Э. Дардела (к эмпирическим связям, экологически и географически поддерживавшим человеческие коллективы, включая связи с ландшафтами) и т. д. [Dardel, 2022].

Поэтому, можно утверждать, что именно эти научные школы предуготовили почву для развития «гуманистической» географии в XX веке. Но, по мнению западных географов В. Лея, Дж. Джонсона и У. Фаррелла, ее реальными основателями являются Дж. Райт и К. Зауэр [Johnston, Farrell, 1979; Ley, 1981]. Не совпадающие и подчас противоречащие друг другу оценки творчества этих авторов (исполнявших в разное время обязанности президентов Ассоциации американских географов) лишь «подрывают доверие» к теоретическим основам нового направления.

Анализ западных источников показывает, что становление гуманистической географии с именем Дж. Райта связывает гораздо большее количество географов, чем с идеями К. Зауэра (которые носили менее «еретический» характер). Так, президентский

доклад Райта Ассоциации американских географов в 1946 году под интригующим названием «*Terrae incognitae: место воображения в географии*», частью географов считается вообще квинтэссенцией его теоретических поисков. В одном случае теоретические идеи доклада провозглашаются «поистине *революционными*» [Bowden, 1978], в другом утверждается, что они положили начало исследования восприятия в географии [Wright, 1947].

Осознание человека, его восприятие мира, по Райту – важнейшие фокусы географического познания, то есть предмет географии. При этом первостепенное место уделяется воображению – интуитивному и эстетическому, что подсказывает географам изучать не столько реальный мир, сколько идеальный. Ведь «большая часть человеческой мудрости, – полагает он, – была получена не строгим применением научного метода, а благодаря искусному интуитивному воображению, или инсайту философов, артистов, ученых» [Wright, 1947].

К этому следует добавить, что именно Райту принадлежит идея, так называемой *геософии* (союз слов «*гео*» и «*софия*» – мудрость по-гречески), согласно которым знания профессиональных географов чрезвычайно важны для гуманистической географии. В значительной степени связанная с субъективными представлениями, она аккумулирует как истинные, так и ложные географические представления – не только профессиональных географов, но рыбаков и фермеров, руководителей предприятий и поэтов, романистов и художников, бедуинов и готтентотов – и по этой причине она обязательно в значительной степени связана с субъективными представлениями [Райт, 1988].

Примечательно, что опубликованная в 1988 году в русском переводе книга Дж. Райта «Географические представления в эпоху крестовых походов», была отнесена к историческому жанру, хотя «номинировалась» на интерпретацию гуманистической географии. По мнению А.Я. Гуревича (автора предисловия к ней), Райт вовсе не различает понятия науки и ненауки, смешивает богословие, поэзию, географию и т. п. [Райт, 1988]. Свои философские и методологические позиции он декларирует, но ничего не доказывает и не обосновывает. Можно не соглашаться с автором предисловия (как «ангажированным коммунистом»), но труды Райта (как и многих «гуманистических» географов), с интересом читаемые представителями разных специальностей, действительно сложно интерпретировать не только с философской, но и методологической точек зрения из-за смешения «коктейлеобразных» феноменологических смыслов. Конечно, нелепо возражать против тезиса о полезности географических мнений «фермеров» и «рыбаков», но разве подобная трактовка географии, как серьезной отрасли *научного знания*, не символизирует попытки всячески принизить роль фундаментальной географической науки? И что мешает до сих пор энтузиастам феноменологического подхода учредить, например, «гуманистическую квантовую физику» как науку, пользуясь мнением «фермеров» и «рыбаков»?

Именно «философские страсти» вокруг понятия «место», вскипевшие после публикации в 1976 году работы Э. Релфа «Место и безместность» [Relph, 2008], во многом способствовали становлению (первоначально в умах философов и психологов) новой дисциплины «гуманистическая география». Философский «бум» в западной географии сделал очень модными ссылки на философов. Не случайно среди идеологов и сторонников гуманистической географии оказались именно философы – сам основатель феноменологии Э. Гуссерль, а также А. Шюц, М. Мерло-Понти, М. Фуко, Ж. Делёз, Ж. Деррида. Было немало представителей и других предметных областей, подчас имевших усеченное, а то и «смутное» представление о теоретических основах и мейнстриме географических (особенно, *естественно-географических*) исследований. Не исключено, что именно это обстоятельство побуждало отдельных аналитиков сетовать на, дескать, невысокий уровень философской эрудиции географов, вследствие чего связь «субъект-объект» рассматривается ими, дескать, крайне примитивно и происходит неверная интерпретации процес-

са познания на основании феноменологической версии теории отражения. И якобы лишь гуманистическая география способна оценить реальность через фильтр сознания [Bowden, 1978].

В сознание научного сообщества исподволь внедрялась мысль, что в географии это понятие, дескать, сводится лишь к «*элементарному местоположению*» на основе критики его редукции, и лишь благодаря географам-гуманистам, прежде всего, таким, как Э. Релф, И-Фу Туан, Д. Лей, А. Баттиммер, Д. Симон, добавившим «*человека*», «*опыт*» и «*значение*» к своим определениям, произошла настоящая *революция* в понимании понятия «феноменология места» [Talebian, Uraz, 2018]. В этом месте напрашивается естественный вопрос: «революция» в чем понимании? В сравнении с атомистами древности и Платоном, отождествлявшим пространство с пустотой или материей, или Аристотелем, введшим понятие «место», составлявшим одну из предпосылок для объяснения движения? Новую экспликацию понятия с акцентом на сознание и когнитивные способности человека, действительно, можно отнести к определенному достижению *философской* и *психологической* мысли, но вряд ли *географической*, даже с учетом того новая трактовка понятия, благодаря герменевтике и потенциалу феноменологии, помогает обоснованию изучения жизненных взаимоотношений человека и с окружающей средой. А разве, например, медицине и некоторым другим областям знания подобная трактовка чужда и не способствует углублению знаний о таких взаимоотношениях?

Со временем феноменологическое понимание места стало основным подходом в западной географии. В отличие от феноменологии Гуссерля, которая известна как трансцендентальная (то есть, выходящая за рамки чувственного опыта), экзистенциально-онтологическая феноменология Хайдеггера в значительной степени основана на месте, и именно поэтому его подход проложил путь для географов-гуманистов к обсуждению концепции места с точки зрения феноменологии. В ряде случаев концепция места стала использоваться в весьма востребованных, но маргинальных сферах географического знания: в городском дизайне, архитектуре и т. д. Например, архитектурное понимание места было сформировано под влиянием публикации книги «Дух места: на пути к феноменологии архитектуры» К. Шульца [1980], в которой разъясняется концепция места в объяснении феноменологической архитектуры: «Место – это пространство, обладающее особым характером. С древних времен *genius loci*, или дух места, был признан конкретной реальностью, с которой человеку приходится сталкиваться в своей повседневной жизни. Архитектура означает визуализацию гениальных мест, и задача архитектора – создавать значимые места, в которых он помогает человеку жить» [Schulz, 1980]. Но наблюдающиеся различия в феноменологической интерпретации места, включая взгляды постструктуралистов (постфеноменологов), критически переосмысливших феноменологию, несколько не поколебали ее фундаментальные принципы – интенциональность, отказ от позитивизма и сциентизма, абсолютизацию опыта и т. д. Кстати, замечание Дж. Леа о том, что постфеноменологи хотя и сохранили опыт в качестве основы своей философии, но попытались «переосмыслить то, каким может быть опыт, где он может быть локализован, как он возникает и как мы, социологи, можем его объяснить» [Lea, 2009], явно свидетельствует о том, что внесение феноменологической экспликации места «полностью» в предметное поле географической науки является в известной мере искусственным шагом. В этой связи нельзя не согласиться с известным французским философом и социологом Ф. Лефевром, который обвинил феноменологию в том, что она изолирует место от его социальных структур и сводит человека посредством абстракции к простому субъекту индивидуального опыта [Lefebvre, 1974].

Напомним также о том, что основоположник феноменологической социологии, австрийский социолог и философ А. Шюц исходит из того, что в ее центре находится не мир

в целом, а человек в его специфическом измерении, при этом социальная реальность «конструируется» посредством *образов и понятий*. Соответственно, фокусом внимания социологии служит человеческая субъективность, отсюда конструируется микросоциологический подход, представленный феноменологией. Исследователь, изучая человека с помощью методологии феноменологической социологии, познает смыслы и представления субъекта, вообще абстрагируясь от окружающих реалий [Слобода, 2021].

Изобретательной попыткой «переформатировать» онтологические основы традиционной географии под напором феноменологических идей явилась в свое время статья профессора Амстердамского университета, соратника Т. Хагерстранда, Х. Паассена, видного адепта гуманистического географии [Paassen, 1976]. В ней он предлагает вместо традиционной дихотомии двух миров – «природа – нематериальный мир (культура)», использовать концепцию трех миров, дополнив эту конструкцию миром «*психофизической материальности*», названным им «*рефлексивной экзистенциальной системой*» отражающей сущность человека. При этом он исходит из необходимости смены пространственной парадигмы, якобы, в «старой одежде» на парадигму «социального онтологизма», «социальной материальности» в новой.

Трудно не удивиться позиции профессора географии (не психолога, социолога или психотерапевта) столь самоуспоительно отстаивающего экзистенциальную антропологию в качестве опорной конструкции географической науки. Разве не очевидно, что социально-научный характер научной дисциплины, хотя и проявляется через «физический субстанциональный характер человеческой индивидуальности», но этот фактор по отношению к географии играет лишь вспомогательную роль. Поэтому можно утверждать, что экзистенциальные принципы новой методологии географии Х. Паассена для географов могут быть полезными, но лишь в качестве междисциплинарных средств анализа.

Некоторые авторы (Р. Мюгерауер, Г. Баренберг и др.) трактуют гуманистическую географию как герменевтическую (экзегетическую) дисциплину, концентрируя внимание на проблеме понимания и смысла [Mugerauer, 1995]. Но ведь герменевтика, как средство анализа географической реальности, опять-таки представляет собой феноменологическую «проекцию» объяснения явлений и, тем более, не может быть идентифицирована в качестве самостоятельной. И уж совсем «экзотическим» вариантом трактовки гуманистической географии можно считать позицию Р. Дэти, согласно которой лишь религия может обеспечить истинное понимание культуры и значимости природы [Mugerauer, 1995]. Ясно, что попытки обоснования «гуманистической» географии на основе религии носят декларативный характер.

Феноменализм иррационального мышления и науки о Земле

Особый структурный пласт феноменологического мышления связан с иррациональным, в том числе магическим мышлением. Последнее является иррациональным конструктом, призванным справиться с той или иной пугающей или непреодолимой проблемой. В таких случаях на помощь приходят астрология, гадания, вера в непогрешимость авторитетов и т. п. Ориентированное объект-субъектно магическое осмысление социальной реальности, актуальное не только для традиционных, но и современных обществ, в той или иной мере присуще практически всем народам. Поэтому его географическая проекция и установление специфики очень затруднительны.

Иррациональное мышление предполагает интуитивный и сенсорный подходы к постижению неизведанного, ориентируя при этом не на факты, а на всевозможные «шестые чувства», что вполне отвечает «духу» феноменализма. Так, анализируя теоретические позиции многих современных экологов (в том числе «высокореيتينговых»), понимаешь, что они опираются на весьма шаткий фундамент, поскольку не в состоянии дать четкие отве-

ты на многие принципиальные вопросы, относящиеся к проблеме возможного экологического коллапса.

Речь идет, например:

- о значениях параметров моделей температурных аномалий на Земле, с обязательным учетом достоверной информации об исторической динамике температуры Мирового океана и стратосферы;
- об истинной роли влияния на глобальный климат человека и длинных климатических циклов по отдельности;
- о реальных уровнях концентрации парниковых газов и, прежде всего, CO₂ и т. д.

Не имея убедительных ответов на эти и другие вопросы, трудно избавиться от мысли, что как климатология в целом, так и историческая динамика уровней концентрации углекислого газа, по-прежнему, остаются если не «сумеречными», то недостаточно изученными зонами науки. В этой связи возникает нестандартный вопрос: можно ли в таких условиях характеризовать человеческие действия в сфере изменений глобального климата как сугубо рациональные в силу их сомнительной осмысленности? И не является ли отсутствие осознанности происходящего причиной наблюдающегося господства интуитивного и сенсорного подходов (по существу – иррациональных, феноменологических) к постижению процессов, отражающих нынешний климатический кризис?

Трудно поверить, что известная во всем мире шведская климатическая активистка Грета Тунберг (дважды претендовавшая на Нобелевскую премию и выступавшая с трибуны ООН с пламенно-язвительной речью) имеет хоть малейшее представление не только об ответах на эти вопросы, но и их содержании. Ее «научный» арсенал заключен в тирадах типа: «Вы украли мои мечты и мое детство своим пустословием. Люди страдают. Люди умирают. Рушатся целые экосистемы. Мы находимся в начале массового вымирания. И все, о чем вы можете говорить, – это деньги и сказки о вечном экономическом росте» [Стенограмма ..., 2019]. Можно по-разному относиться к оценкам ее деятельности [Blanke, 2025], но это обстоятельство вовсе не ставит под сомнение ее точку зрения на характер изменений в мире, угрожающих жизням огромного количества людей. При этом иррациональность может пониматься как «свое-иное» рациональности, будучи неотъемлемой частью человеческого мышления вообще. То есть, постнеклассическая рациональность одновременно представлена и иррациональным, т. е. феноменологическим.

Когда речь идет об экологии, следует помнить, что рациональное и иррациональное в развитии общества и природы – не простое соотношение разумного и стихийного в социоприродном процессе. Наблюдающееся в публикациях отождествление понятий «рациональность» и «разумность» ущербно, хотя бы по причине игнорирования ценностно-ориентированных компонентов, особенно при развитии экономики. Современный техногенез, целью которого является создание техногенного социума с его наукотехникой и техносферой, ведет к неизбежной деградации регенерационных механизмов биосферы и обострению экологического кризиса.

При этом игнорируется тот факт, что искусственный мир и естественный – элементы единой системы земной жизни, следовательно, их генезис должен происходить в форме сотворчества человека и природы, а не противостояния. Когда же современная наука отстает в разработке перспективных сценариев такой коэволюции, на «тропу» борьбы за установление приемлемых социоприродных форм бытия выходят представители иррационального экологического движения, одержимые желанием внести посильную помощь человечеству, «погружающемуся в бездну».

Заключение

Содержание статьи ни в коей мере не отрицает важности использования феноменологического подхода не только в философии, психологии и социологии, но и в географиче-

ческой науке в качестве *вспомогательного, эмпирического метода* при анализе природных и природно-общественных геосистем. Речь может идти, например, о мифическом сознании. Место и значение географических представлений в мифологическом сознании особенно важно при анализе истории, хранящей архетипы полузабытых конкретных историко-географических реалий. Однако для предотвращения деформации онтологических основ географической науки важно соблюдение меры использования феноменологического подхода.

Идея гуманизации географической науки, родившаяся задолго до официальной концептуализации гуманистической географии в 70-е годы прошлого столетия, подтверждается трудами А. Гумбольдта, А. Геттнера, В.П. Семенова-Тян-Шанского, Э. Дардела и других мыслителей. Оставаясь в предметном поле географии, они предпочитали изучать реальный мир природных и природно-общественных геосистем, не фокусируя внимание на субъективном, воображаемом мире, воспринимаемом с помощью чувств и эмоций. Есть много оснований полагать, что обращение к интуитивному, интерпретирующему методу восприятия явлений больше относится к арсеналу психологической науки, особенно когда речь идет о месте проживания индивидуума, где геосистемный анализ просто ограничен.

Общественный и дисциплинарный статус каждой науки зависит от состояния предмета, смысловых глубин, наличия (или отсутствия) парадигмального эффекта, метода, угла зрения, прикладной роли и, конечно, степени заблуждения ученого. Кроме этого, многое зависит от потенциала абстрактности, которым обладает наука. Феноменологические (описательные, эмпирические) теории, как правило, не используют сколько-нибудь сложные абстрактные объекты и применяются на первых ступенях развития науки, когда происходит накопление, обобщение и систематизация фактологического материала. Лишь по мере развития познания феноменологические идеи уступают место нефеноменологическим, отражающим глубинный внутренний механизм явлений и процессов и использующим широкий ряд абстрактных понятий и моделей. Таким образом, слишком высокая доля феноменологических идей может свидетельствовать о недостаточном качестве теоретико-методологического базиса географической науки.

Изложенное позволяет утверждать, что в рамках научного географического анализа большинство постулатов Э. Зауэра, Дж. Райта, И-Фу Туана и др., разделяемых современными «гуманистическими» географами Запада, не способны усилить праксиологический характер географической науки и обеспечить ей статус прикладной дисциплины. Речь идет о таких основных положениях, как перенос внимания на интуицию и воображение, мифомышление, уравнивание научных и ненаучных подходов, замена географических «объективов» идиографической субъективизацией и т. д.

Список источников

- Нилогов А. 2007. Осторожно, феноменология! Независимая газета. Электронный ресурс. URL: https://www.ng.ru/koncept/2007-11-01/10_fenomen.html (дата обращения: 04.01.2025)
- Стенограмма: речь Греты Тунберг на Саммите ООН по мерам в области изменения климата. 2019. National Public Radio, США. Электронный ресурс. URL: <https://inosmi.ru/20190925/245886965.html> (дата обращения: 04.01.2025)
- Blanke S. Who's Afraid of Greta Thunberg? Электронный ресурс. URL: <https://www.commondreams.org/views/2019/11/04/whos-afraid-greta-thunberg> (дата обращения: 04.01.2025)
- Phenomenology. 2013. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Electronic resource. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/phenomenology> (date of access: 04.01.2025)

Список литературы

- Геттнер А. 2025. География: ее история, сущность и методы. М., Юрайт, 490 с.
- Голд Дж. 1990. Основы поведенческой географии. М., Прогресс, 302 с.

- Гуссерль Э. 2011. Логические исследования. Прологомены к чистой логике. М., Академический Проект, 253 с.
- Декарт Р. 1989. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. М., Мысль, 296 с.
- Замятин Д.Н. 2003. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб., Алетейя, 331 с.
- Замятин Д.Н. 2004а. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., Аграф, 512 с.
- Замятин Д.Н. 2004б. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М., РОССПЭН, 352 с.
- Лавренова О.А. 2023. Любовь и место. Памяти И-Фу-Туана. Географическая среда и живые организмы, 2: 58–67. <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2023-2-58-67>
- Лосев А.Ф. 2021. Диалектика мифа. М., ЯСК, 695 с.
- Мерло-Понти М. 1999. Феноменология восприятия. СПб., Ювента; Наука, 595 с.
- Райт Дж.К. 1988. Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М., Наука, 478 с.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. 1928. Район и страна. М, Государственное издательство, 311 с.
- Слобода Н.М. 2021. А. Шюц и его роль в формировании феноменологической социологии. Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета, 1(18): 136–144.
- Чернавин Г.И. 2013. Новая феноменология во Франции: проекты Ж.-Л. Мариона и М. Ришира. Журнал Петербургского философского общества, 15: 71–77.
- Bowden M.J. 1978. The Cognitive Renaissance in American Geography: the Intellectual History of Movement. *Organon Warszawa*, 14: 199–204.
- Dardel E. 2022. Man and the Earth: the Nature of Geographical Reality. (Published in 1952, translated by E. Relph with revisions in 2022). USA, University of Toronto, 30 p.
- Heidegger M. 1969. Zur Sache des Denkens. Tübingen, Niemeyer, 90 p.
- Gladkiy Yu.N., Sukhorukov V.D., Kornekova S.Ur. 2019. The Social Morphology of the Geographical Space. In: 6th SWS International Scientific Conferences on social sciences 2019. Conference proceedings, Albena, Bulgaria, 26 August – 01 September 2019. Albena, Bulgaria, STEF92 Technology: 283–288.
- Granö J. 1979. Mongolische Landschaften und Örtlichkeiten. Finland. Helsinki, 1941.
- Johnston J.H., Farrell W.C. 1979. Phenomenology in Geography. *Geographical Survey*, 8: 5.
- Lea J. 2009. Post-phenomenology / Post-phenomenological geographies. In: *International Encyclopedia of Human Geography*. Ed. by Kitchin R., Thrift N. Elsevier, Oxford: 373–378.
- Lefebvre H. 1974. La production de l'espace. *L'homme et la société*, 31(1): 15–32.
- Ley D., Samuels M. 1978. *Humanistic Geography: Prospects and Problems*. London, Maaroufa Press, 337 p.
- Ley D. 1981. Cultural/Humanistic Geography. *Progress in Human Geography*, 9(3): 249–257.
- Montello D.R. 2018. *Handbook of Behavioural and Cognitive Geography*. Cheltenham, Northampton, 432 p.
- Mugerauer R. 1995. *Interpreting Environments: Tradition, Deconstruction, Hermeneutics*. USA, Austin, 186 p.
- Paassen Chr. Van. 1976. Human Geography in Terms of Existential Anthropology. *Tijdschrift Economische en Sociale Geografie*, 67(6): 324–341. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9663.1976.tb00039.x>
- Relph E. 2008. An Inquiry into the Relations between Phenomenology and Geography. *Canadian Geographer*, 14(3): 193–201. <https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.1970.tb01567.x>
- Sartre J.-P. 1936. *Imagination: A Psychological Critique*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 162 p.
- Seamon D.A. 2018. *Life Takes Place: Phenomenology, Life World, and Place Making*. New York, Routledge, 230 p.
- Seamon D.A. 2023. *Phenomenological Perspectives on Place, Lifeworlds, and Lived Emplacement*. London, Routledge, 294 p. <https://doi.org/10.4324/9781003328223>

- Seamon D.A. 2000. Way of Seeing People and Place: Phenomenology in Environment-Behavior Research. In: Theoretical Perspectives in Environment-Behavior Research. Boston, Springer: 157–178. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-4701-3_13
- Schulz C.N. 1980. Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. New York, Rizzoli, 213 p.
- Shutz A. 1964. Collected papers. 2, Studies in Social Theory. The Hague, M. Nijhoff, 300 p.
- Shutz A., Luskmann T. 1973. Structures of the Life-World. Evanston, Northwestern University Press, V. 1. ,335 p.
- Sukhorukov V.D., Gladkiy Y.N. 2019. Semantic Outlines of Modern Geography. European Journal of Geography, 10(3): 24–32.
- Talebian N., Uraz T.U. 2018. The Post-Phenomenology of Place: Moving Forward from Phenomenological to Post-Structural Readings of Place. Open House International, 43(2): 13–21. <https://doi.org/10.1108/OHI-02-2018-B0003>
- Tuan Yi-Fu. 1975. Topophilia: a Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. Journal of Aesthetics and Art Criticism, 34(1): 99–100.
- Tuan Yi-Fu. 1977. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis, University of Minnesota Press, 235 p.
- Tuan Yi-Fu. 1979. Landscapes of Fear. New York, Pantheon books, 262 p.
- Tuan Yi-Fu. 1982. Segmented Worlds and Self: Group Life and Individual Consciousness. Minneapolis, University of Minnesota Press, 248 p.
- Wright J. 1947. Terrae Incognita: the Place of Imagination in Geography. Annals of the Association Geographers, 37(1): 1–15.

References

- Hettner A. 2025. Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden. Moscow, Publ. Urait, 490 p. (in Russian).
- Gold J. 1990. Foundations of Behavioural Geography. Moscow, Publ. Progress, 302 p. (in Russian).
- Husserl E. 2011. Logical research. Prolegomena zur reinen Logik. Moscow, Publ. Akademicheskii prospect, 253 p. (in Russian).
- Descartes R. 1989. Discours de la methode pour bien conduire sa raison, and chercher la verité dans les sciences. Moscow, Publ. Mysl, 296 p. (in Russian).
- Zamyatin D.N. 2003. Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov [Humanitarian Geography: Space and Language of Geographical Images]. St. Petersburg, Publ. Aleteya, 331 p.
- Zamyatin D.N. 2004a. Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva [Metageography: Space of Images and Images of Space]. Moscow, Publ. Agraf, 512 p.
- Zamyatin D.N. 2004b. Vlast prostranstva i prostranstvo vlasti: Geograficheskiye obrazy v politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh [The Power of Space and the Space of Power: Geographical Images in Politics and International Relations]. Moscow, Publ. ROSSPEN, 352 p.
- Lavrenova O.A. 2023. Love and Place. In Memory of Yi-Fu Tuan. Geographical Environment and Living Systems, 2: 58–67 (in Russian). <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2023-2-58-67>
- Losev A.F. 2021. Dialectic of myth. Moscow, Publ. YaSK, 695 p. (in Russian).
- Merlo-Ponti M. 1999. Fenomenologiya vospriyatiya [Phenomenology of Perception]. St. Petersburg, Publ. Juventa; Nauka, 595 p.
- Rayt Dzh. K. 1988. Geograficheskiye predstavleniya v epokhu krestovyykh pokhodov: Issledovaniye srednevekovoy nauki i traditsii v Zapadnoy Evrope [Geographical Concepts in the Age of the Crusades: A Study of Medieval Science and Tradition in Western Europe]. Moscow, Publ. Nauka, 478 p.
- Semenov-Tyan-Shanskiy V.P. 1928. Rayon i strana [Region and Country]. Moscow, Publ. Gosudarstvennoye izdatelstvo, 311 c.
- Sloboda N.M. 2021. A. Shutz and His Role for Emergence of Phenomenological Sociology. Proceedings of young scientists and specialists of the Samara University, 1(18): 136–144 (in Russian).
- Chernavin G.I. 2013. New Phenomenology in France: J.-L. Marion's and M. Richir's Projects. Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva, 15: 71–77 (in Russian).
- Bowden M.J. 1978. The Cognitive Renaissance in American Geography: the Intellectual History of Movement. Organon Warszawa, 14: 199–204.

- Dardel E. 2022. Man and the Earth: the Nature of Geographical Reality. (Published in 1952, translated by E. Relph with revisions in 2022). USA, University of Toronto, 30 p.
- Heidegger M. 1969. Zur Sache des Denkens. Tübingen, Niemeyer, 90 p.
- Gladkiy Yu.N., Sukhorukov V.D., Kornekova S.Ur. 2019. The Social Morphology of the Geographical Space. In: 6th SWS International Scientific Conferences on social sciences 2019. Conference proceedings, Albena, Bulgaria, 26 August – 01 September 2019. Albena, Bulgaria, STEF92 Technology: 283–288.
- Granö J. 1979. Mongolische Landschaften und Örtlichkeiten. Finland. Helsinki, 1941.
- Johnston J.H., Farrell W.C. 1979. Phenomenology in Geography. Geographical Survey, 8: 5.
- Lea J. 2009. Post-phenomenology / Post-phenomenological geographies. In: International Encyclopedia of Human Geography. Ed. by Kitchin R., Thrift N. Elsevier, Oxford: 373–378.
- Lefebvre H. 1974. La production de l'espace. L'homme et la société, 31(1): 15–32.
- Ley D., Samuels M. 1978. Humanistic Geography: Prospects and Problems. London, Maaroufa Press, 337 p.
- Ley D. 1981. Cultural/Humanistic Geography. Progress in Human Geography, 9(3): 249–257.
- Montello D.R. 2018. Handbook of Behavioural and Cognitive Geography. Cheltenham, Northampton, 432 p.
- Mugerauer R. 1995. Interpreting Environments: Tradition, Deconstruction, Hermeneutics. USA, Austin, 186 p.
- Paassen Chr. Van. 1976. Human Geography in Terms of Existential Anthropology. Tijdschrift Economische en Sociale Geografie, 67(6): 324–341. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9663.1976.tb00039.x>
- Relph E. 2008. An Inquiry into the Relations between Phenomenology and Geography. Canadian Geographer, 14(3): 193–201. <https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.1970.tb01567.x>
- Sartre J.-P. 1936. Imagination: A Psychological Critique. Ann Arbor, University of Michigan Press, 162 p.
- Seamon D.A. 2018. Life Takes Place: Phenomenology, Life World, and Place Making. New York, Routledge, 230 p.
- Seamon D.A. 2023. Phenomenological Perspectives on Place, Lifeworlds, and Lived Emplacement. London, Routledge, 294 p. <https://doi.org/10.4324/9781003328223>
- Seamon D.A. 2000. Way of Seeing People and Place: Phenomenology in Environment-Behavior Research. In: Theoretical Perspectives in Environment-Behavior Research. Boston, Springer: 157–178. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-4701-3_13
- Schulz C.N. 1980. Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. New York, Rizzoli, 213 p.
- Shutz A. 1964. Collected papers. 2, Studies in Social Theory. The Hague, M. Nijhoff, 300 p.
- Shutz A., Luskmann T. 1973. Structures of the Life-World. Evanston, Northwestern University Press, V. 1. ,335 p.
- Sukhorukov V.D., Gladkiy Y.N. 2019. Semantic Outlines of Modern Geography. European Journal of Geography, 10(3): 24–32.
- Talebian N., Uraz T.U. 2018. The Post-Phenomenology of Place: Moving Forward from Phenomenological to Post-Structural Readings of Place. Open House International, 43(2): 13–21. <https://doi.org/10.1108/OHI-02-2018-B0003>
- Tuan Yi-Fu. 1975. Topophilia: a Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. Journal of Aesthetics and Art Criticism, 34(1): 99–100.
- Tuan Yi-Fu. 1977. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis, University of Minnesota Press, 235 p.
- Tuan Yi-Fu. 1979. Landscapes of Fear. New York, Pantheon books, 262 p.
- Tuan Yi-Fu. 1982. Segmented Worlds and Self: Group Life and Individual Consciousness. Minneapolis, University of Minnesota Press, 248 p.
- Wright J. 1947. Terrae Incognita: The Place of Imagination in Geography. Annals of the Association Geographers, 37(1): 1–15.

*Поступила в редакцию 17.01.2025;
поступила после рецензирования 03.02.2025;
принята к публикации 19.02.2025*

*Received January 17, 2025;
Revised February 03, 2025;
Accepted February 19, 2025*

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гладкий Юрий Никифорович, доктор географических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Сухоруков Вячеслав Дмитриевич, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой методики обучения географии и краеведению, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuriy N. Gladkiy, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Head of the Department of Economic Geography, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Vyacheslav D. Sukhorukov, Doctor of Geography, Professor, Head of the Department of Teaching Methods of Geography and Local History, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia